

СОРОКОВЫЕ-ПЯТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ XX в.

Журнал «Возрождение» и консервативная мысль после войны

В. Н. ИЛЬИН

Внутренние противоречия революции. Памяти жертв русской революции

Тот их, кто с каменной душой
Прошел все степени злодейства.

А. Пушкин

За горами, за долами,
В той стране, которой нет,
Люди злыми стариками
Появляются на свет.

В. Горянский¹

Первоначально автор имел намерение озаглавить нижеследующий очерк так: «Долой Россию!». Этим бы он ярко и выпукло очертил вполне конкретный и основной замысел — тезис русской революционной идеологии, так же как и ее практической реализации, начиная с Владимира Печерина, автора стихотворения «Как сладостно Отчизну ненавидеть и жадно ждать ее уничтоженья» — и кончая Владимиром Лениным, просто продавшим Россию национальной и уже тогда нацистской Германии.

В 1925 г. в «Евразийском временнике» т. IV, автором этих строк была напечатана часть его большого труда «Столп злобы богопротивной» — о философии и метафизике русской катастрофы. С того времени он только укрепился в своих отношениях к революции и к мирозерцательным установкам революционеров. Несколько изменена техника мысли и изложения. Революционеры, главным образом марксо-коммунисты, так часто указывали на внутренние противоречия того мира, который они «обрекли мечам и пожарам», что пора и на них повратить их собственное оружие.

В падшем человечестве — независимо от расы, класса-сословия или социально-политического строя, «времен от вечной темноты» живет темное, даже вовсе черное влечение мазохистического типа

к деспоту-садисту и повелителю, настоящему, а не выдуманному тирану, о котором поэтом сказано:

Он спину вам будет бить батожем,
А вы ему стукать, да стукать челом, —
Ой сраму, ой, горького сраму!²

Нужны были долгие века медленно, с перерывами и перебоями шедшего воспитания так наз. масс и самовоспитания и самоперевоспитания исторической власти в духе традиций правопорядка, например в духе римского права. Последнее ведь и само было плодом долгих вековых, в течение всей истории Рима производившихся усилий правотворчества такого особого и специально одаренного народа, как народ Римской гражданственности и латинской культуры, который сам, в свою очередь, получил прививку здорового цивизма от афинской демократической государственности и, главное, от высшего типа культуры, воспитывавшей своих участников в духе самоуважения и правосознания. К этому уже в христианское время добавилась прививка англо-саксонского культурного цивизма с его «либеральным закалом», ничего общего не имевшим с гнилым и гноющим русским псевдо-либерализмом в духе гнилого и злого Руссо, от которого пошли Дантоны, Мараты и Робеспьеры, осмелившиеся критиковать английский парламентаризм и либерализм.

В России к середине XIX века наблюдается конфликт двух непримиримо враждебных друг другу течений. Было бы жестоко и совершенно несправедливо, в полном несоответствии с фактами считать русский народ неспособным к государственности и к правотворчеству. Первый период русской истории говорит о совсем другом. Россия и русский народ на самой заре своего исторического и культурного существования знали и правовое народоправство, и тяготение к здоровому правопорядку. Вспомним Киевскую Русь, «Господина великого Новгорода» с его «меньшим братом» Псковом, Архангельский север, давший Ломоносова и никогда не знавший ни рабства, ни крепостного права, общий дух человеколюбивого устройства жизни, шедший как сверху, так и снизу и выразившийся, например, в установке наших первоначальных летописей и таких памятников, как знаменитое «Поучение» Владимира Мономаха или «Изборник» Святослава, или не знающая ни смертной казни, ни телесных наказаний «Русская правда»³. В те времена Западной Европе было далеко до гуманности, народоправческих идей и свободолюбивого понимания княжеской власти, равно как и роли Церкви в общем высоком строе культуры

на Руси. Тяжкая рука исторического рока в виде нашествия Азии на Евразию (из чего выяснился резкий контраст между обеими) не пощадила начинавшейся великой, быть может, по замыслу, *величайшей культуры западно-восточного синтеза*. Гениальной, но бесчеловечной, утонченно жестокой и расистской Византии далеко было в понимании гуманизма до русского православного христианства, — не говоря уже о шире всеобъемлющего русского духовного синтеза. Из жестокого, длившегося два с лишним века испытания, которое, в сущности, должно было бы стереть с лица земли находившихся между молотом западного латинства и наковальной нехристианской Азии, Россию, Русское племя и русскую культуру, Россия вышла, даже окрепши. — Не раз в ее истории «тяжкий млат, дробя стекло, ковал булат». Но были и изъяны в этой воскресшей с новым ликом и возникшей как бы наново Руси. Такой изъян — *усеченное правосознание*. Усечение это было тесно связано с возникшим в порядке жестокой государственной необходимости военно-крепостническим государством — совершенно противным духу русской нации, законопослушно, хотя и с перебоями и взрывами несшей эту жестокую необходимость, всегда переживавшуюся и народом, и элитой как нестерпимое зло.

Наращение и совершенствование правосознания шло на Руси параллельно с изживанием крепостного права. Наконец, за актом 19 февраля 1861 г. последовали Судебные установления все того же светлой и святой памяти Царя Освободителя и его плеяды. С 1864 г. девизом общественной жизни в Российской империи становятся два принципа:

1) Свободный труд — залог домашнего благосостояния и блага общественного;

2) Правда и милость в судах.

Реформы, до неузнаваемости гуманизовавшие общий, жестковатый стиль империи Великого Петра, — стиль всюду тогда господствовавшего просвещенного абсолютизма, — должны были увенчаться возвращением к древнерусскому народоправству. К этому шло...

Но не об этом, а о совершенно противоположном мечтала революционно-социалистическая интеллигенция и многие вывихнутые мозги так наз. «образованного» общества. Это было течение прямо противоположное милостям, шедшим к русскому народу с высоты верховной власти, заканчивавшей процесс своего и народного перевоспитания.

Революционно-социалистическая интеллигенция мечтала о следующем:

1) О контр-освобождении, т. е. об акте прямо противоположном акту 19 февраля 1861 года, — о новом, на этот раз вечном закреплении *всего русского народа социалистической каторгой*.

2) О предельной неправде и смертоносном бесправии — вечном гнете над личностью и ее трудом, пока то и другое не будет стерто с лица земли.

А вместо народных представителей, строителей и устроителей родной земли, кто явился пред очи доброжелательнейшего из бывших на Руси монархов в первых двух «парламентах», — только и мечтавших превратиться в кровавый и грязный «конвент», наполненный чем-то «sordide»⁴, по выражению Нострадамуса? Террористов, невежд, не только ничего не знавших, но и не хотевших ничего знать, «рано сошедших со школьной скамьи» студентов и гимназистов, школьников начальных школ, от «занятия политикой» растерявших и без того свой скудный багаж, — вот что и вот кого «выдвинула» наша интеллигентщина, обманувшая «умный, добрый наш народ», но народ наивный, для которого «печатный каждый лист быть кажется святым»... Народ и не подозревал, что печать превращалась в невежественную и продажную старую шлюху, подвергавшую остракизму все действительно «разумное, доброе, вечное» и предлагавшую народу вместо этого отвратительное пойло, густо замешанное на безумном, злом, скоропреходящем... Вот кто повел массы в 1905–1906 гг., вот кто окончательно обрушил эти массы в «ров погибельный» «великой бескровной» 1917 г.

Если многие свыклись с этим ужасом, то многие, еще большие числом, с этим помириться не могут. Но пусть запомнят губители и палачи России и ее народа: если сознание со многим мирится и многое прощает, то *подсознание ничего не забывает и ничего не прощает...*

Между 1596 г. (год Брестской унии)⁵ и 1917 г. обстоятельства сложились так, как будто бы был поставлен вопрос: должно ли истребить все православные народы во главе с племенами русскими или же предоставить им некоторое, сильно усеченное существование на положении париев, лишенных даже права на собственный язык и на национальное бытие? И до нашего времени очень многие так называемые культурные народы (и идущие у них на пристяжке прислужники, а то и просто откровенные лакеи) колеблются между этими двумя альтернативами, склоняясь скорее к первой, то есть к полному отнятию права у русских на существование, на культуру и даже на язык и шрифт.

К этому, в сущности, и свелся также и внутренний смысл и энтелехия войны 1914–1918 гг., войны 1941–1945 гг. и революции

«открытой» (мы именно настаиваем на этом термине «открытая»), длящейся по сей день.

Конечно, легко указать на компартию и марксизм, которые в качестве «недреманного ока» и так сказать «злого черного лжепровидения» заинтересованы тем, чтобы доставшийся им и ими оккупированный плацдарм мировой революции продолжал служить революции — своему назначению. Это так. Ну, а в самой партии и в самом марксизме и в ему предшествовавшем народническом эсерстве кто или что поддерживает эту злую и разрушительную, черную энергию «негативного провидения»?..

В конечном счете мы приходим с удивительной последовательностью к выводам, составляющим единый морфологический комплекс. В основе «черного антипровидения» лежит революция, направленная на уже существующее и прочно устоявшееся бытие.

Сама эта революция представляет основную и первичную форму зла вообще. *Нападающей стороной, «первоагрессором» всегда и при всех обстоятельствах оказывается революция, и инициатива злодеяния — ключи небратского и немирного духа, ключи человеконенавистнической и богоненавистнической вражды, бездны злонамеренного мучительства всегда в руках революционеров. Можно даже сказать, что инициатива изготовления этих ключей, раскрытия, разверзания бездны небытия принадлежит революционному духу.*

Проблема революции, особенно ее метафизики, морфологии и генезиса, в последнем счете сугубо богословская и относится к той части богословия, которая именуется *амартологией*, то есть учением о грехе и зле.

Философствуя на революционные темы, или, лучше, на темы революции, никогда не следует забывать того, что ее внутренние противоречия вытекают из ее основного качества, которое можно назвать *дурной монолитностью* или *дурным монизмом зла*. Это значит, что в ней *злые средства и злые цели вполне совпадают*. Сюда отнесем и тот факт, что основное орудие революции это — злое триединство *лжи, клеветы и лицемерия*. Этим и вызывается то, что злые средства в силу их монизма и попрания духа любви приводят к самоубийственной ненависти в ней к своим же, к самоистреблению революции и революционеров. Действительно, если мораль любви заключается в том, чтобы поступать согласно принципу распространения и генерализации каждого моего поступка в смысле общего правила и общей закономерности моего поведения на благо всем, то антимораль ненависти (равно как и сюда относящаяся ложь, клевета и лицемерие) заключается в том, чтобы действовать и поступать так, чтобы каждый данный

революционный поступок, поскольку он должен быть чисто революционным, — не мог бы быть генерализирован и прежде всего не мог бы быть обращен на самого «поступающего». Никакой человек не может пожелать себе, чтобы ему постоянно лгали, постоянно на него клеветали, с ним постоянно лицемерили, чтобы у него постоянно крали и чтобы ему на каждом шагу угрожала смертельная опасность от какого-либо убийцы. А между тем революционер поступает именно так. Этим и объясняется, что по закону сочетания действия с противодействием революционеры создают свою совершенно особую, поистине адскую сферу, где господствуют ложь, лицемерие, убийство и проч., не только по отношению к тому, что с их точки зрения представляет так наз. «старый мир», обреченный ими на уничтожение, но и на них самих, ибо очень легко доказать, что они сами произведения этого самого «старого мира», только в его самых низкопробных, дурных качествах. Отсюда и возникает основное противоречие революции:

В царстве революции и революционеров все обстоит как в старом ими истребляемом мире, но в предельно дурной степени. Все по-прежнему, но только гораздо хуже. Все обстоит так, как будто революция и революционеры хотят увековечить все самое дурное в ветхом, действительно обреченном на уничтожение «старом мире», все то, что его осуждает, искажает, губит, — и губить, уничтожать все то, что в «старом мире» есть истинного, доброго, прекрасного, вечно юного, вечно обновляющегося и совершенствующегося — в чем и состоит сущность жизни. Отсюда и постоянное лицемерие...

Нам уже неоднократно приходилось доказывать, что *убийственная ненависть, характеризующая революцию и вообще зло, в силу самой аптионтологической и деформирующей природы зла и ненависти, — обязательно направлена против всего благого во главе с высшим Благим Существом, — направлена против Истины, Добра и Красоты. Но не надо особенно трудиться логически и диалектически, чтобы доказать, что даже и любое явление, именуемое нами злым, держится какой-то еще не погибшей в нем, еще не ушедшей частицей добра, бытия. Поэтому если то, что я, скажем, ненавижу, и то, что я желал бы истребить, существует, действительно, как зло, то единственное средство истребить его в качестве злого — это *поддерживать и раздувать в нем любовь искру заключающегося в нем добра, покуда оно не разгорится ярким пламенем.**

Но в 1917 г. случилось нечто по всем пунктам противное не только любви, но даже элементарному здравому смыслу, элементарному чувству самосохранения — как в правящем и в интеллигентском

слое (народнически-эсэрско-марксистском), так и в «управляемых» так наз. «массах»: *народ самоубийца пошел навстречу своим собственным убийцам-палачам, отдав им себя на уничтожение, на «поток и разграбление», говоря языком «Русской правды».* «Никто же плоть свою возненавиде, но питает и греет ю», — говорит св. ап. Павел, указывая тем самым, что элементарное чувство самосохранения есть норма, установленная Самим Создателем и Ему угодная. Можно стоять выше этой нормы, кладя «свой живот за други своя» согласно вершине любви, указанной Евангелием. Можно быть и ниже этой нормы, заболев преступно-греховным самоубийственным, «*натащенным на себя*» безумием.

Подобного рода состояния в порядке индивидуального безумного греха наблюдаются довольно часто. Но случаев коллективного самоубийства целой нации, подобного Русской катастрофе 1917 г., мы в истории почти не знаем. И невольно в голову приходит мысль: не есть ли все это прелюдия к той финальной катастрофе, которая ожидает все человечество и с ним весь земной шар?.. Тем более что все ныне происходящее, начавшееся в 1914 г., в эпоху антропологического взрыва, срыва, обвала, очень похоже на опыт или, если угодно, на начало того *общечеловеческого коллективного самоубийства*, которое в конце XIX века рекомендовал совершить очень известный и очень талантливый многоученный философ Эдуард Гартманн (синтез Шопенгауэра и Гегеля), а в искусстве — Рихард Вагнер. К этому же типу людей, несмотря на все их несходство в деталях, мы отнесем Фридриха Ницше и нацизм с коммунизмом, вообще весь тоталитаризм во главе с Лениным и Гитлером.

Если принять во внимание самоубийственное, под предлогом, видите ли, деловых перспектив — «деньги не пахнут», «торговать можно и с чертом» и проч., — способствование русской катастрофе и ее виновникам, способствование китайской катастрофе, снобирование вокруг этого общевосточного истребительного пожара, то за всем этим вырисовывается гигантский и зловецкий призрак «духа самоуничтожения и небытия», призрак мирового, а не только общечеловеческого греха — *зла и его истока...*

Осуждают, как правило, «падшую женщину», но не трогают того, кто первый толкнул ее на этот путь и тех, кто, пользуясь ею, укреплял ее на погибельном пути... Словом, хорошо известный символ гнуснейшего лицемерия... Впрочем, мы знаем или, вернее, на наших глазах происходило, происходит и, если Бог попустит, будет происходить и нечто еще более вопиющее по бесстыдному, гнилому цинизму...

Мы говорим «если Бог попустит», ибо Бог есть «Испытующий сердца и утробы» и Он, попуская быть свободе, попускает и всем

вытекающим отсюда последствиям, — *конечно, вменяя их в полную ответственность*, до Ему одному известного «кайроса», т. е. момента, когда «все будет взыскано до последнего кодранта». Когда? — «Не ваше знать времена и сроки, которые положил Отец в Своей власти» (Деян 1, 7). Заметим, кстати, что это был ответ Господа на вопрос: «Не в сие ли время, Господи, восстанавлиаешь Ты царство Израилю?» (Деян 1, 6).

Тайна «левого разбойника», не покаявшегося, то есть не изменившегося в своих мыслях, морально-духовных установках и делах, есть тайна Предвечного Судьи, Судьи Праведного «испытующего сердца и утробы», то есть тайна личности, ее персонального стояния или падения перед лицом Божиим: «своему Господу стоит или падает». И делать эту тайну общим достоянием, «социализировать» ее (чтобы употребить меткое слово Н. А. Бердяева) невозможно, нечестиво и самого «судящего» ставит в ранг «вора и разбойника», самозванца, присваивающего себе прерогативы Всевышнего Судьи. Но «пути и перепутья», установки, ведущие в жизнь вечную или «в смерть вторую», нам указаны. И здесь, как и в земном суде, «незнанием закона не отговариваются»...

Ибо закон Божий *«написан в сердцах человеческих»* Самим Логосом Божественным — *и горе ненавидящим Логос*, тем, которых древний мудрец и его гениальный ученик назвали «мизологами» — ненавистниками Логоса. Те противоречия, в которые они впадают, — совсем не те, которые можно и должно назвать *противоречиями полноты* и «антиномиями», не противоречия *«истинной диалектики»*, которая, по слову автора «Феноменологии духа», движет вперед, но дурное противоречие, намеренно развращающее всякую мысль, то, которое, по Достоевскому, объявило свое *«право на бесчестье»*. Таковы противоречия *русской революционно-социалистической интеллигенции*, с тем ее *нечестивым чувством своей безгрешности и своей безошибочности* — *«райских без грехопадения в себе людей»*, — что с такой остротой и новизной после Достоевского было отмечено комментатором «Легенды о Великом Инквизиторе» — В. В. Розановым и другим комментатором — Н. А. Бердяевым.

Никогда не следует забывать того, что «левый разбойник» сам себя лишил права на личный суд, на личное стояние перед Богом, *отвергнув и Бога, и Личность*, а потому и оказался беззащитным перед судом и суждением публично-правовым, перед судом того, что Георг Йеллинек так удачно наименовал «этическим минимумом». «Суд без милости для не оказавшего милости», — говорит св. ап. Иаков. И потому по адресу тех, кто отверг объективную логику и субъективные права, защищаемые публичной властью

(«субъективное публичное право»), мало того, провозгласил не только «свое право», но даже обязанность («категорический императив навыворот») убивать невинных только по той причине, что они принадлежат к классу *ими* обреченному на исчезновение или к иному типу мышления и мирочувствия, — к людям с таким воззрением и мирочувствием мы имеем право применить логику, то есть *суд без милости со стороны этического минимума*. Воистину заслужили они того, чтобы их «алюминиевый публичный дом» (см. у Чернышевского в «Что делать?») был сметен и развеян в прах, вместе с теми, кто пытается все это оправдывать и видеть святыню там, где только «мерзость запустенья».

Начать с того, что они во всеуслышание объявили «уничтожение *Отчизны*» своей основной целью. Эсэрское отнятие у России ее имени с заменой его бутафорской «Страной и революцией» закончилось сквернословной «Триэсерией» с бесчисленным рядом других «копролалических» переименований, означавших, что отныне на месте бывшей правовой *царско-императорской России* водворяется *перманентный концлагерь, каторжная тюрьма для всего населения, лишеного всех прав, включая сюда и право на жизнь*, ибо последняя оказывалась в руках каждого из тьмочисленных палачей, заменивших нормальное правительство Земли Русской.

Неоднократно философами и богословами указывалось на *паразитарный* характер зла и его «изобретателя» (говоря языком св. Григория Нисского). Такой же паразитарный и предельно эксплуататорский характер имеет и революция (как в ее народнически-эсэрском аспекте, так и в аспекте марксистско-меньшевицско-большевицском). Чтобы было что ненавидеть и разрушать, *сначала должно существовать ненавидимое и разрушаемое*. Положение революционеров в качестве безбожников и человеконенавистников метафизически совершенно безнадежно. Происхождение их беспредельной зависти, злобы и ненависти очень легко объяснить согласно Адлеру — стремлением *компенсировать злодеяниями чувство своей неполноценности* (Minderwertigkeitsgefühl, что не совсем верно переведено как «чувство собственного ничтожества», хотя в глубинно онтологическом смысле такой «комментирующий» и неточный перевод верен, как передающий «суть» дела). Чтобы существовали безбожные и человеконенавистнические духовные установки и психические эмоции этого рода, необходимо, чтобы уже существовал и Бог, и Человек, и Богочеловек. Тогда есть что ненавидеть и разрушать, есть на что клеветать и над чем измываться... Это так. Но есть и нечто другое, скорее относящееся к плану социально-политическому, который революционеры отмежевали себе в привилегированное пользование.

Действительно, если, скажем, до конца разрушить ненавидимую лютейшей истребительной ненавистью свою родину Россию, как Владимир Печерин:

И в разрушении отчизны видеть
Всемирного денницу возрождения⁶,

то тогда кучке «профессиональных» революционеров легко подпасть под действие знаменитого принципа: «я тебя породил, я тебя и убью». Это и грозило им личной смертной опасностью со стороны тех держав, которых нанятыми лакеями они были по части разложения русской армии и уничтожения Русской Державы. Так это едва и не случилось с ними сначала от Германии Вильгельма II и Людендорфа (всегда мечтавшего о русской революции как о единственном средстве сокрушить Россию), а затем III Рейха Гитлера, его генералов и его *гестапо*, скопированного, кстати сказать, с большевицкой *чеки*.

Маршал Тухачевский, герой советско-«пильсудской» войны (которую полякам удалось превратить в русско-польскую войну), был расстрелян Сталиным по проискам и доносам разной международной мрази. Многие лучшие офицеры советской армии, силой обстоятельств и диалектикой исторического процесса превращавшейся в Армию Русскую, также были расстреляны Сталиным. И это совсем не в порядке его личной деспотии, но в порядке заострения коммунистически-социалистического террора против уже тогда намечавшихся признаков возрождения и оздоровления русского народа, хотевшего вновь обрести свое славное, с лишком тысячелетнее имя и свою древнюю Державу, столь ненавидимую большевиками и всей кликой «в борьбе обретавших право свое», то есть право на уничтожение России, убиение ее народа, разрушение и погром ее культуры. Сталин был только верным исполнителем и, так сказать, равнодействующей всей этой «негодной смеси», начиная с убийц 1 марта 1881 г.⁷

И вот, несмотря на то, что Сталин вел себя как патентованный государственный изменник-германофил (это теперь вполне выяснилось и не затушевовать этого никаким неосталинистам), внешний враг все-таки напал на территорию России. Что этому скопищу революционных пораженцев оставалось делать, как не русскими руками, проливая потоками русскую кровь (часто без всякой военной нужды, но «принципиально»), вести войну со своими господами, создателями и благодетелями?

Итак, еще одно внутреннее противоречие революции заключается в необходимости соединить свои судьбы, то есть судьбы революционеров с судьбами обыкновенных русских людей,

в то время как, согласно определению эсерки Кусковой, они, революционеры, — *«люди особой кости, особого миропознания»*, то есть небожители, высшие существа, которых теория и практика как бы есть само провидение.

Конечно, духовного противоречия между Гитлером с Ко и ленино-троцкистско-сталинистским красным клоповником нет никакого, и в духовном отношении все тоталитаристы похожи друг на друга: два сапога — пара. И в историческом смысле враг у них общий — Русский Народ, его Держава, вера и культура. Расхождение начинается на почве борьбы этих стервятников европейского империализма и европейского марксизма за овладение кровавыми останками, за то, «кому мешок нести», говоря картинными словами Федьки Каторжного. А в мешке — труп России, церковные и кое-какие еще другие ценности... Вот Федька Каторжный и «согрешил маленько», облегчил сторожа, союзника...

Трагически-аскетический характер русского искусства несомненно связан с трагически-аскетическим характером русской истории — самой мучительной из всех нам известных, как по внутренним, так и по внешним ее процессам. Русский человек даже в порядке индивидуальном почти всегда — во всяком случае, очень часто — как бы в миниатюре повторяет в личной своей судьбе — судьбу своей Родины, ставшей в своих песнях как бы тезоименитой великой печали и тоске. И Русскому Народу в его совокупности, en bloc, и отдельным людям, особенно если они чем-нибудь действительно и по-настоящему выдаются, приходится постоянно повторять знаменитые стихи «Фауста» Гёте:

Встаю я утром полн страданья
О том, что долгий день пройдет
И мне, я знаю наперед,
Не даст свершить ни одного желанья.
Мгновенье радости почую лишь душой —
Вмиг жизни критика его мне разрушает
И образы, лелеянные мной,
Гримасою ужасной искажает.
Когда же ночь спускается и мне
С тоской в постель приходится ложиться,
Не знаю я покоя и во сне:
Ужасный сон мне будет сниться.

Вечное препятствие на путях реализации, осуществления «внутреннего Слова» во вне, вечное стояние «У врат царства» с вечным внутренним или внешним отказом — отречением, даже тогда, когда для этого нет никаких ни внутренних, ни внешних осно-

ваний и запретов: кажется, нет в мире, не было и, по-видимому, не будет другого народа, который так бы был всегда готов бежать от счастья, от радости, от наслаждения, как Народ Русский, столь склонный к самоубийству — есть в нем семьи с тремя и четырьмя самоубийцами...

И все это наконец завершилось самым бессмысленным из коллективных, общенародных самоубийств — февральско-октябрьской революцией 1917 г., — в *полном смысле «у врат царства»*, с отречением от престола — самоубиением кроткого, тихого и культурного Русского Монарха, в царствование которого должны были осуществиться и в очень большой мере осуществлялись все или почти все исторические задачи России, и она наконец должна была бы по праву отдохнуть и насладиться покоем после тысячелетней своей страды.... Но вот...

Можно сказать, что одаренность русского народа вполне адекватна его жестокой судьбе. Словно все силы ада, вся «чернь бытия» мобилизовались под возглавлением шута горохового, сначала в виде жалкой бездарности — Вильгельма II, потом Ленина и Гитлера, для того, чтобы Божиим попусшением свершилась иовлева судьба уже над целым народом...

То правда, что иовлева судьба, судьба пророка Иеремии есть почти всегда судьба всякого гения — «всякий гений печален», согласно Аристотелю. На эту тему много размышляли и писали лучшие головы...

Не смеяться, не плакать, не ненавидеть, «но только понимать» — таковы требования, предъявляемые Спинозой истинному философу. Но по существу дела все выходит совсем по-другому в применении к революционерам и их писаниям. Революционер и преследуемый им свободный исследователь — подлинный ученый или подлинный философ — находятся в положении сражающихся неравным оружием. И прежде всего революционный интеллигент может себе позволить легчайший выход из любого затруднительного положения, в которое его поставит действительность или более искусный спорщик в диалоге: *простое игнорирование* или же (если это окажется возможным) *прямое насилие над действительностью и над совопросником*.

Выставив лозунг «Долой Россию», надо было сделать и все выводы из этого лозунга. Согласно известному логическому правилу, именуемому «правилом обо всем и ни о чем», то, что утверждается о целом, должно утверждаться о частях, входящих в состав этого целого, и то, что отрицается за целым, должно отрицаться и за частями этого целого. В сущности, это есть основное правило как индуктивной, так и дедуктивной логики, равно как и основное

правило силлогизма. И когда, согласно этому правилу, в известном «Разговоре о логике с социал-демократом» В. Ф. Эрн (в его сборнике «Борьба за Логос»), социал-демократ во всех своих положениях был приведен к абсурду, или к противоречию с самим собой (через сократический метод), то глупый и злой социал-демократ (по нашему времени — большевик) отправил к черту логику и испытал несомненное желание во второй раз отравить Сократа (подобно тому, как «Великий инквизитор» испытал желание во второй раз умертвить Христа).

Особенно действие этого логического правила дает себя непосредственно и больно чувствовать по принципу «угодно ль на себе примерить», когда речь идет о праве и нравственности. В самом деле, всякая этика и всякое правосознание, всякая правовая культура, заслуживающая этого имени, заключаются в том, что можно назвать *«принципом взаимности»*. Богословскую формулу этого принципа мы имеем в Евангелии: «во всем как вы хотите, чтобы люди с вами поступали, поступайте также и вы с ними». Философскую формулу этому «принципу взаимности» дал впервые просто и изящно Кант в «Критике практического разума»: «поступай всегда так, чтобы каждый твой поступок мог стать общим правилом поведения всех людей», и следовательно, повращен на самого действующего. Революционеры и все, кто принял их «программу» и способ действия, как уже сказано, сами, рано или поздно, но *обязательно* делаются жертвами своей собственной и ими же *генерализированной непорядочности*. И апеллировать им не к кому и не на кого — нет субъекта правосознания, да нет и самого правосознания. В марксизме его и быть не может, ибо право объявлено надстройкой над экономическими отношениями, где, кстати сказать, нет ни субъекта, ни объекта, а есть лишь того типа отношения, какие бывают между частями машины. Но в таком случае не может быть и речи ни о какой морали, ни о какой эксплуатации, которая есть понятие морально-персональное и возникает на почве морально-персонального подхода к экономическим отношениям, возникающим внутри общества. Не может быть понятий ни натурального, ни субъективного публичного права (то есть субъективно-личных прав, защищаемых публичной властью), не может быть и государственного права, ибо государство — тоже «надстройка» над экономическими отношениями, не говоря уже о том, что не может быть ни национального государства, ни, вообще, понятия нации, которая целиком и без остатка поглощается понятием борющихся групп и классов. Что же касается пресловутого эсэрско-народнического принципа — девиза или лозунга — «в борьбе обрешь ты право

свое», то оно есть право, вернее, бесправие голого факта: «кто палку взял, тот и капрал».

Такая установка должна быть названа систематическим потемнением и развращением морально-правового сознания с перспективой его полного уничтожения впереди. Это надлежит признать результатом полного морально-правового одичания, даже озверения, хуже того, — «одьяволения» и вобесовления сознания, что мы и видим в «теории» — в «Катехизисе революционера» Нечаева-Бакунина (если только эта систематизированная уголовщина и право на бесправие и бесчестье могут быть названы «теорией») и в «практике», например, нечаевского дела, легшего в основу фабулы «Бесов» Достоевского, или в травле Варфоломеем Зайцевым проф. Владимира Онуфриевича Ковалевского, знаменитого палеонтолога, доведенного до самоубийства⁸, короче — в «теории» и «практике» *чеки*, которая есть типичный инструмент русских революционеров. По их замыслу этот инструмент должен функционировать перманентно, наподобие «комитета общественного спасения» и «революционных трибуналов» французской революции, где массовая гильотинная «мясорубка» есть средство уничтожения неугодных правящей революционной секте групп населения с превращением трех четвертей страны в каторжную тюрьму и, наконец, «в кладбище», как об этом во всеуслышание заявили Робеспьер, Сен-Жюст и Ко. Этим, кстати сказать, начисто отменяется сам принцип классовой борьбы, диктатуры пролетариата и тем более диктатуры крестьянства, хотя бы и «беднейшего» (как определить это «беднейшее крестьянство»?). Это то, что проф. П. И. Виноградов определил как «воспитание общества с помощью террора в духе новой религии и новой нравственности»⁹. Но аксиомой должно считать, что *террор не только не есть средство воспитания, ни даже средство классовой борьбы, а систематическое развращение и уничтожение человека как Homo sapiens и превращение его в бессмысленную и бессловесную «тварь дрожащую», где в крови и страданиях, в перманентном аду потоплены и уничтожены все классы, все кланы, все сословья и откуда с неизбежной логикой вытекает самоистребление революционеров, что и осуществилось на деле.*

Это — последний этап революционного процесса, где до конца выявлена внутренняя противоречивость и самоубийственная псевдо-диалектика революции, оказавшейся насильственной идеократией и борьбой за власть.

Нет никакого сомнения в том, что не случись революции — все уничтоженные революцией революционеры продолжали бы жить, писать и печатать, иногда с некоторыми, быть может, цензурными

и публично-правовыми затруднениями (очень редкими и мягкими), — но и все. Да и сама так наз. «классовая борьба» может осуществляться лишь в условиях не коммунистического и не социалистического государства, равно как и интересы трудящихся могут защищаться реально тоже только в условиях правопорядка, т. е. правового общества-государства, не тоталитарного, не социалистического и тем более не коммунистического типа. *Этот парадокс бесправия трудящихся в тоталитарных, номинально рабоче-крестьянских и пролетарских коллективах — тоже принадлежит к самым вопиющим внутренним противоречиям революции, тоталитаризма, социализма и коммунизма.*

Если додумать эту псевдо-диалектику революции до конца, то мы придем к открытию в ней *принципиального зла и принципиальной ненависти*, на основе которых творить ничего нельзя, но можно только разрушать, нельзя животворить, но можно только умерщвлять. Поэтому весь смысл революции в том, что в ней *видимо царит олицетворенное в партийцах зло, воплощающее себя в ненависти ко всем и ко всему*. Ибо «товарищеская солидарность» отнюдь не любовь и тем менее не «любовь беззаветная к народу», но *сообщничество в злодеяниях*.

Народник чернопеределец Серно-Соловьевич, любовно переизданный большевиками, прямо-таки *мечтал об океанах невинной крови и о горах трупов ни в чем не провинившихся против революции людей*¹⁰. Об этом же рассуждает «Катехизис революционера» Нечаева-Бакунина, который есть школа самого безоглядного палачества, и *только палачества*, — как они сами в этом с бесцеремонным цинизмом сознаются.

Поэтому-то *революция и есть принципиальная антилюбовь, то есть принципиальный атеизм*, и даже не атеизм, но «*антиатеизм*», то есть *сознательная ненависть к человеку и тем самым — к Богу-Любви, существование Которого тем самым косвенно исповедуется*.

На основании сказанного можно с полной последовательностью дать *феноменологию зла*, что в высшей степени важно для философии и богословия. Для этого достаточно обратиться в свою противоположность атрибуты любви, приведенные св. ап. Павлом в 13 главе первого Послания к Коринфянам.

«Революционер не знает терпения, немилостив, завистлив, превозносится, гордится, бесчинствует, ищет своего, раздражается, мыслит зло, радуется неправде и не радуется истине. Ничего не покрывает, ничему не верит, ни на что не надеется и ничего не переносит».

Теперь понятен дух ненависти и подозрения к своим, всегда соединяющийся со стремлением обвинить и убить невинных.

Теперь легко также ответить на вопрос, почему с такой легкостью эсэрская революция уступила свои позиции чекистскому марксо-коммунизму, и тоже эсэрское («черновско-керенско-вишняковское») «Учредительное собрание», которое, казалось, было целью революционного движения XIX века и обеих эсэрско-марксистско-анархических революций 1905 и 1917 гг., дало себя разогнать матросу Железняку, и почему с такой же легкостью начались затем расправы над крестьянами и рабочими, почему с такой легкостью возвратилось *крепостное право*, в формах, о которых не было и речи в предшествующие эпохи — до 19 февраля 1861 г.

Все это произошло потому, что якобы «рабоче-крестьянский» характер русской революции с самого начала был ложью, левоинтеллигентской подделкой и лицемерием. Это также не должно нас удивлять, ибо принцип так наз. «святой лжи», максимально использованный Лениным и по сей день остающийся основным средством марксо-коммунизма и компартии, вообще всегда был основным методом революции, уже в ее народнически-чернопередельской и эсэрской стадии. Сюда же надо отнести и использование невежд, малолетних (при том в огромном большинстве крайне некультурных и невежественных) и дефективно-дегенеративных и психопатологических элементов населения, численность которых на авансцене истории резко возрастает ко времени назревания революционных абсцессов и экссуссов, из средства превращающихся в цель, что характерно для всякого политического террора.

Из этого, кстати сказать, видно, что, по всей вероятности, Светлана Аллилуева совершенно права и в злодеяниях Сталина-Ежева виновата *главным образом вся компартия и, вообще, вся революция.*

Не социальный переворот, не преобразование производственных форм, не установка на предельный социальный радикализм есть цель и движущий мотив компартии и русской революции. Все это служит тем же, чем была для них Первая мировая война, которой они тоже так страстно желали и где марксо-коммунизм плюс народничество-эсэрство заняли безоговорочно германофильскую и пораженческую позицию платных агентов Вильгельма II и разлагателей русской армии. Окончательная же цель марксо-коммунизма и компартии — черно-спиритуальная (отнюдь не «материалистическая» — в чем тоже внутреннее противоречие революции), и это для компартии уже отнюдь не надстройка, но база. И здесь опять внутреннее противоречие, и ложь, и лицемерие. *Материалистическая метафизика и воинствующий атеизм — это установки духовные, направленные на борьбу с Богом и высшими духовными же ценностями.*

Но здесь дело обстоит гораздо сложнее, чем бы этого хотелось примитивно мыслящим марксо-коммунистам — «митиным»¹¹ всех сортов. В самой коммунистической организации, так же как и в комическом «диамате», где нет ни материи, ни диалектики, произошло некоторое «дурное усложнение», вернее «осложнение» (в патологическом и психопатологическом смысле слова). Дело в том, что предыдущая русская культура, которую с таким остервенением стремятся вместе с ее создавшим населением искоренить или исказить большевики, сообщает безмерную и хаотическую усложненность пошлой элементарщине большевистского «просвещения» и материалистического атеизма. В коммунистической организации есть нечто более сложное и далекое от экономического монизма (который можно также назвать воинствующим экономизмом), нечто подогревающее в русских условиях и у русской молодежи лихорадочную жажду гигантского строительства, которая получает слабое удовлетворение в более чем скромных достижениях (сравнительно с затрачиваемыми усилиями и жертвам, приносимыми на алтарь нового Молоха). Приняв во внимание силы, размеры и природные богатства России-Евразии, а также русский гений, — о таких «достижениях» лучше и не говорить... А необходимость зубрить идиотскую политграмоту и навязчивые старомодные вздоры диамата, тащить на себе истощающую «партийную нагрузку» — что это как не отвод и раздробление сил «племени младого и незнакомого», которого старые партийные фанатики панически боятся и смертельно ненавидят, желая ему всякого зла, ослабления и даже полного уничтожения... И сколько тратится гигантских усилий впустую на бессмысленное и злое дело воздвижения нелепых препятствий на путях узрения религиозной истины теми душами, пафос атеизма которых готов смениться или уже сменился ярким пламенем православной церковности...

Этот отвод и раздробление сил — несомненное проявление *руссофобства*, которое в первую половину позорного пятидесятилетия исходило из всех пор коммунистического отбора и возглавления и проявляло себя совершенно цинично и открыто в ряде самых диких высказываний, писаний и действий, а ныне пытается надеть на себя фиговый листок, поминутно спадающий, даже поминутно сбрасываемый — ненависть утаивается с трудом и ненадолго... Сносы церквей, исторических памятников (их осталось по самым оптимистическим подсчетам не больше десяти процентов), распродажа музейных, художественных и библиотечных ценностей (стоит вспомнить Codex Sinaiticus, Коран калифа Омара, добрую половину Рембрандтов, распродававшихся под одобрительное улюлюканье Демьяна Бедного)¹², а немного ранее — издевательства над Чайков-

ским, над сюжетом «Князя Игоря»¹³, над русской математической наукой и всякой другой наукой (см. статьи Колмогорова и Кагана в первой Большой Советской Энциклопедии)¹⁴, издевательства над св. и благоверным Князем Александром Невским (в первой Малой Советской Энциклопедии)¹⁵... А если к этому присоединить массовые расстрелы и ссылки русских инженеров и вообще спецов, уничтожение крестьянства, массовые расстрелы русских рабочих, — то все это говорит за себя и доказывает планомерную сознательность действия с обдуманной заранее намерениями, а в начале революции прямо по заказу и приказу внешних врагов России... А чего стоит поздравительная телеграмма, посланная русскими радикальными студентами японскому Микадо по поводу гибели русской эскадры адм. Рождественского при Цусиме¹⁶ или статья «генерала» Галактионова о Фридрихе Великом (в первой Большой Советской Энциклопедии)¹⁷, написанная в таком лакейско-унизительном по отношению к прусскому королю тоне, что ее свободно можно было бы приписать Гитлеру, Риббентропу, Розенбергу или Геббельсу. С этим организованным русофобством внутренне связано и нечто другое: *стремление возглавлять культурную и хозяйственную деятельность лицами в обратной пропорциональности их дарованиям, знаниям и личной ценности...* Помещение Максимом Горьким никуда не годных стишищ с подписью — «зато написал пролетарий» — очень характерно и навсегда определило основную установку компартии в деле культуры...

Пишущим и по сей день подобные клинические глупости невдомек, что здесь, прежде всего, в глупом положении оказывается сам коммунизм. Но «товарищи» еще со времен шестидесятников на каждом шагу применяют метод, который знаменитый Ф. Ф. Зелинский обрисовал так: «Сам в лужу прыгни, но только противника забрызгай»... Будет ошибкой думать, что и за пределами железного занавеса люди специфического лагеря не применяют этого метода...

На этого типа внутреннем (и «внешнем») противоречии людей революции и проповедуемых ими доктрин мы здесь и останавливаемся. Поистине, трактуя тему этого рода, нельзя не вспомнить римского поэта, сказавшего:

«Трудно не писать сатиры» — «difficile est satyram non scribere!»¹⁸.

Библиографические примечания. Ученого источниковедения на темы русской революции до сих пор нет. Пресловутый «Архив русской революции» начинается слишком поздно, пристрастен «влево» и очень неполон. Что касается «дооктябрьской» стадии революции, главным образом в XIX веке, то есть, главным обра-

зом, народнически-чернопередельской и эсэрской стадии, то здесь показательную и сугубую ценность имеют документы секретного и полусекретного характера — как самих революционеров, так и полицейских архивов, что надо отнести к собственно *источниково-ведению* революции. Это и имеет главную научно-историческую и историко-философскую ценность, но этого широкие круги, в том числе образованной и даже ученой публики, не читают и не знают, чем и объясняется главным образом их благожелательный нейтралитет или прямое сочувствие по отношению к революции — иногда по сей день. Этим также объясняется наивное «разделение» «февраля» и «октября».

Среди этих архивных материалов, изданных революционными эмигрантами и предназначенных для внутрипартийного обращения, наиболее показателен сборник А. Тун «История революционного движения в России». Это якобы «перевод с немецкого» — «под редакцией и с примечаниями Л. Э. Шишко» — очень известного эсэра¹⁹). Издание это типично эсэрское с девизом «В борьбе обрешь ты право свое» и с печатью сообщества «Земля и воля» с двумя мечами, заменившими два скрещенных топора (типично *палаческий* символ) нечаевского сообщества. «Перевод с немецкого» — это для отвода глаз, для целей конспирации и заметания следов. В действительности сборник этот, совершенно напрасно носящий имя «Истории», ибо автор, по-видимому, и понятия не имеет о том, что такое настоящая критическая и прагматическая историография, в главном написан самим Шишко. Но это только увеличивает своеобразную ценность сборника, превращая его в мемуар и автопризнание одного из крупнейших революционных агитаторов-террористов той эпохи. Автор сборника пользуется между прочим мало известной, теперь совершенно забытой, но имеющей ценность источника книгой сочувствующего революции Лявигя «Введение в историю русского нигилизма» (Lavigne «Introduction à l'histoire du nihilisme russe». Paris, 1880). Чрезвычайно показательная для революционной лживости и революционного палачества «Переписка Добролюбова и Славутинского» помещена в сборнике Модзалевского «Огни» (1918), где много других в этом отношении важных материалов. Эта переписка, равно как и фрагменты из «Катехизиса революционера» и некоторых редчайших писаний Н. К. Михайловского, перепечатаны в первой части большого исследования В. Н. Ильина «Столп злобы богопротивной», помещенного в «Евразийском временнике» книга IV (Берлин, 1925)²⁰.

Вопреки существующему ходячему мнению, революция исходит из буржуазно-мещанского духа и кончается обязательно буржу-

азным мещанством, откуда ее плоский и самодовольный облик, чего во Франции и других местах до революции не наблюдалось, равно как никогда не провозглашался принцип «Обогащайтесь» (Enrichissez-vous!) в смысле самой низкопробной чичиковщины, возникшей на Руси в качестве прелюдии к обеим революциям, со включением сюда всякого рода патологии, психопатологии и криминальной антропологии — см. богатейшие исследования д-ра Cabanès и академика Lenôtre, людей исключительно добро-совестных и объективных, с колоссальной эрудицией и техникой научного исследования. Сюда же мы отнесем «Историю больше-визма» ген. Спиридовича с ее криминально-антропологическим отделом, из судебно-полицейских архивов, ныне в большинстве истребленных.

Из, так сказать, «классических» сочинений о французской революции мы должны настоятельно рекомендовать знаменитые труды Ипполита Тэна и Эдгара Кинэ. Ставшие чуть ли не «обязательными» произведения Олара (Aulard) мы решительно от-клоняем за их пристрастностью, а главное — партийностью: они вышли из кругов не только всегда сочувствующих буржу-азно-санкюлотской и террористической обрядово-регицидной революции, но и делавших ее в разных повторениях и ракурсах. Другой же революции, как мы уже сказали, кроме радикально-мещанско-чичиковской, вообще никогда не было и быть не может. Маркс и Энгельс были типичными буржуа-мещанами, и диктатура ими основанной партии была и по сей день остается *не диктатурой трудящихся, но диктатурой над трудящимися с самой жестокой формой их эксплуатации и с лишением их элементарных прав социальной самозащиты*. Это право существует в государствах и в обществах, где среди общего ныне наблюдаемого падения морально-правового сознания все же сохранились его традиции.

